

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Vestnik policii
 Has been issued since 2014.
 E-ISSN: 2414-0880
 2019, 6(2): 48-58

DOI: 10.13187/vesp.2019.2.48
www.ejournal21.com

Modern Security

Substantiation of the Hypothesis on the Imitational Nature of Implementation the Principle of Legality in the Activities of the Russian Police

Dmitry A. Kirillov ^{a, *}, Ekaterina G. Sechenova ^a, Anna A. Sharapova ^b

^a Tyumen State University, Russian Federation

^b Tyumen Regional Administration, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the substantiation of the scientific hypothesis about the imitational nature of the implementation of the principle of legality in the activities of the Russian police. For this purpose, the correlation between the principle of legality and the actual rules relating to the police service, as well as official activities, is analyzed. The study found that there are two informal norms that impede the implementation of the principle of legality in the police activities. The first such rule concerns the police service and can be formulated as follows: "*Loyalty to the bosses precedence over the legality of the activities*". The second one relates to police activities and may be formulated as follows: "*For official purposes, a reasonable violation of the law is permissible*". Thus, police officers who exclude the possibility of violations of the law in their activities are in a discriminatory state. At the same time, special efforts are made in the police to ensure that the formal indicators of its activities correspond to the indicators of compliance with the principle of legality. On the basis of this, the authors of the article formulate a hypothesis that the implementation of the principle of legality in the activities of the police has an imitational nature and consider it necessary to full scientific verification.

Keywords: police, principle, legality of police activity, implementation of the principle of legality, imitation character, questioning of police officers, loyalty to bosses, admissibility of violation of the law.

1. Введение

Одной из базовых основ деятельности полиции Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определен принцип законности. Между тем, в последние годы сведения о незаконных действиях полицейских, в связи со своей повседневностью, перестали удивлять. Кроме того, согласно современным концепциям правопонимания, правовая действительность не в полной мере согласуется с содержанием законоположений. При этом, согласно официальной информации, подтвержденной системой показателей, деятельность полиции основана на принципе законности. В связи с этим возник научный

* Corresponding author

E-mail addresses: kdakda@yandex.ru (D.A. Kirillov), e.g.sechenova@utmn.ru (E.G. Sechenova), shara-anna@mail.ru (A.A. Sharapova)

интерес – исследовать деятельность полиции на предмет ее соответствия принципу законности. В ходе научного поиска были обнаружены предпосылки для формулирования гипотезы о том, что реализация принципа законности деятельности полиции носит имитационный характер.

Текст настоящей статьи содержит аргументацию лишь гипотезы, поскольку полагаем, что само научное предположение об имитационном характере реализации принципа законности в деятельности такого важнейшего публичного органа как российская полиция требует обнародования и обсуждения, так как способно затронуть интересы не только государства, но и большого числа людей. Не исключаем, что наши доводы и выводы несвободны от элементов субъективизма. Полагаем возможным рассчитывать, что читатели сочтут подобные фрагменты текста и суждения извинительными, поскольку наши намерения устремлены исключительно к поиску возможностей позитивизации процессов в сфере реализации российской полицией своего функционального предназначения. Будем особо признательны за указание на ошибки в подходах, а также за проявленный интерес.

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы научные труды таких исследователей как Д.А. Авдеев, В.П. Бабинцев, О.И. Бекетов, В.Н. Борков, Т. Гоббс, Е.В. Гутов, С.А. Денисов, В.В. Лазарев, О.А. Кузнецова, С.Б. Поляков, а также обнародованные ранее результаты собственных исследований авторов данной статьи. С точки зрения междотраслевого юридического, а также лингвистического подходов проведен анализ соотношения содержания принципа законности в деятельности полиции и реальных правил, на которых основываются субординационные отношения в полиции, а также ее функционирование. По вопросам деятельности полиции для целей формулирования и подтверждения промежуточных и основной гипотез в 2018- 2019 годах проведен пилотажный нерепрезентативный опрос 63 сотрудников полиции из шести регионов России (Волгоградская область, Краснодарский край, г. Москва, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область).

К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение, аналогия, опрос.

3. Обсуждение

Глава 2 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – «ФЗ о полиции») именуется «Принципы деятельности полиции». Как следует из структуры закона и статьи 5 «ФЗ О полиции», иерархически «условно» самым важным в деятельности полиции является принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина. Следующим по значению является принцип законности деятельности полиции, который раскрыт во включенной в данную главу статье 6 «ФЗ о полиции». В первом ее пункте в качестве базовой характеристики данного принципа указано, что полиция осуществляет свою деятельность в точном соответствии с законом. Официальные показатели деятельности полиции отражают реализацию принципа законности. К их надлежащим оформлению и демонстрации на всех уровнях полицейской иерархии предъявляются серьезные требования.

Между тем, в теории права разработана и задолго до принятия «ФЗ о полиции» признана научно обоснованной категория «правовой закон». По мнению Е.В. Гутова, это «...властно-регулятивный акт, не только подкрепляемый и санкционированный государством или иными социальными институтами, но и соответствующий (содержательно, формально и процедурно) принципам общественного правосознания... и в силу этого обладающий всей полнотой действия в пределах данной правовой системы» (Gutov, 1998). Идея, заложенная в содержании категории «правовой закон» и предопределяющая целесообразность разделения всех законоположений на правовые («работающие») и неправовые («неработающие»), много лет исследуется и используется в учебном процессе (Kirillov, 2002).

Если же следовать логике пункта 1 статьи 6 ФЗ «О полиции», то никакого разделения законов на правовые («работающие») и неправовые («неработающие») быть не может. То есть, все законы, якобы, «не могут не работать, а значит, работают». Логика, сопряжена с

позитивно-правовым, а, возможно, и легистским подходами к правопониманию, основывающимися на «исторической» мысли, согласно которой "правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена" (Hobbes, 1991: 211).

Как можно заключить из работ ряда авторов (Polyakov, 2018; Denisov, 2015), неработающих российских законов гораздо больше того предельного количества, которое еще позволяло бы говорить об «отдельных подобных случаях», «исключениях из правил» и т.п. Следовательно, речь уместно вести об их целостной системе, что, в свою очередь, предопределяет необходимость решения вопроса о свойствах правовой действительности, в которой российской полиции предписано действовать «в точном соответствии с законом».

В данном контексте немаловажным является следующее обстоятельство. «Неправовые» законы (неработающие законоположения) характеризуются не только тем, что, мягко говоря, далеко «не всегда» применяются, но и тем, что вместо них практически всегда применяются другие исходящие от государства и «замещающие» их правила.

Исключения, когда неработающие законоположения ничем не замещаются, гипотетически сводятся к крайне редким случаям бытия т.н. «фиктивных правовых норм», которые, согласно данной О.А. Кузнецовой характеристике, «... не реализуются, не осуществляются в практической деятельности» (Kuznecova, 2005: 128). При этом, отступая от контекста, заметим, что с точки зрения смысла понятия «норма права», термин «фиктивная норма», несмотря на его «общеупотребительность», не представляется корректным.

Для общей характеристики правил, замещающих неработающие законоположения, а также фактов такого «замещения», представляется в целом уместным использовать подход, раскрывающий категорию «правоположение». Согласно одной из известных дефиниций, под правоположениями понимаются «общие веления правоприменяющих органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и служат относительно самостоятельным средством поднормативного юридического воздействия на субъекты общественных отношений» (Lazarev, 1976: 5).

Из данного определения, приемлемого, на наш взгляд, для целей обоснования заявленной научной гипотезы, достаточно логичным представляется утверждение о том, что «не в полной мере определенное отражение в законе воли законодателя» имеет место (практически) всегда. Следовательно, выраженная в тексте закона «воля» во всех случаях будет корректироваться «велениями правоприменяющих органов», то есть правоположениями. При этом параметры корректировки каждого из законоположений индивидуальны.

В частности, степень «правоприменяющей корректировки» законоположения может находиться в условном диапазоне от «близкой к нулевой» до практически «полной». До определенной границы диапазона корректировку можно считать «незначительной», а за пределами этой границы - «значительной». В первом случае законоположение можно считать «работающим» или правовым. При переходе же степени корректировки границы «незначительности», законоположение теряет свойства «работающего» и является неправовым.

Иными словами, содержательно законоположения сами по себе (в «чистом» виде) норм права не отражают. Последние – как обеспечиваемые силой государственного принуждения правила поведения – реализуются в правоположениях и иных неформальных правилах (далее – «правоположения»), то есть в скорректированных правоприменителями законоположениях.

Таким образом, в противовес охарактеризованному выше официальному подходу, согласно которому все законоположения «не могут не работать», вместо неработающих законоположений действуют «правоположения». Причем «государство» – как единая социальная подсистема – о последних не только знает, но и создает их (в лице «велений» конкретных органов и должностных лиц). Налицо ситуация рассогласованности: государство официально не признает наличия производимых им, но неработающих законоположений, и в то же время замещает их реально работающими правоположениями. Подобное замещение имеет очевидное сходство с конструкцией притворной сделки, предусмотренной статьей 170 ГК РФ, где, в частности, говорится о правовой взаимосвязи ничтожности прикрывающей сделки и актуальности прикрываемой.

Такое сходство позволило авторам распространить логику данной цивилистической конструкции на право в целом и, в частности, вести речь о «прикрывании» неработающим законоположением, которое является притворным, «правоположения», являющегося актуальным. Последнее интегрировано в единую систему правовых норм, а первое – нет по причине его правовой ничтожности. Принимая во внимание «далеко не единичное число» притворных российских законоположений, исполнения которых государство как суверен не требует, а их систему, авторами предложено к использованию понятие притворности правового пространства. В узком смысле слова это интегративное свойство правового пространства, детерминированное бытием в нем критической массы правоположений, замещающих неработающие «официальные» источники права (Kirillov, Sechenova, 2017: 34-35).

Следуя логике идеи о правовом законе можно заключить, что основной детерминантный источник притворности правового пространства и, соответственно, критической массы неработающих российских законоположений состоит, в том, что многие продукты законотворчества не являются правовыми, то есть, не соответствуют «... (содержательно, формально и процедурно) принципам общественного правосознания...» (Gutov, 1998). Так, например, в основу конституционного законотворчества полагается принцип верховенства закона, тогда как базовым феноменом сферы правосознания подавляющей части россиян выступает приоритет, отнюдь, не закона, а политической воли носителя властных полномочий (Avdeev, 2015: 59-60).

Институционализируясь в условиях притворного правового пространства, правоположения (как исходящие от государства «веления») становятся относительно самостоятельной подсистемой права. Следовательно, их несоблюдение является нарушением реально действующих норм права.

Учитывая, что неработающий закон по содержанию отличается от сопряженного с ним правоположения, следование неработающему закону, в том числе, действия сотрудника полиции в точном соответствии с подобным законом, являются правонарушением, поскольку не согласуются с соответствующим правоположением, интегрированным в систему правовых норм.

Таким образом, полиция объективно находится в условиях, когда осуществление деятельности в «точном соответствии» с частью законов, имеет признаки противоправности и влечет применение санкций.

Для выявления и характеристики отдельных правоположений, актуальных для оценки соблюдения принципа законности в деятельности полиции, нами в 2018–2019 годах был проведен пилотажный нерепрезентативный опрос 63 сотрудников полиции из шести регионов России, имеющих специальные звания от рядового до майора, все опрошенные – лица мужского пола. Опрос касался служебной деятельности и проводился в ходе располагавших к полной откровенности индивидуальных бесед, что позволяет считать результаты близкими к достоверным.

Первое актуальное положение, которое будет сформулировано и охарактеризовано ниже, касается внутриведомственной субординации.

На заданный полицейским вопрос о том, что для опрашиваемого лица явилось бы приоритетным при выполнении конкретной служебной задачи – положение закона или явно противоречащее закону устное распоряжение руководителя, данное в обстановке «один на один», ответы были следующими. 24 человека из 63 (38,1 %) указали на, в целом, безусловный или близкий к безусловному приоритет распоряжения руководителя (преобладающая мотивация - куда я денусь, мне здесь и «с ним» еще работать и кормить семью). 27 человек (42,8 %) указали на возможный приоритет распоряжения, но зависимость выбора в пользу распоряжения от ряда факторов, в частности, какому именно закону противоречит распоряжение, характер взаимоотношений с руководителем и т.п. (преобладающая мотивация - мелкие нарушения закона являются обыкновением, «куда ж без них», за них никто не наказывает, однако если предлагается совершить серьезное нарушение, постараюсь избежать, поскольку могу оказаться «крайним»). 9 человек (14,3 %) указали на то, что откажутся прямо, либо предпримут разумные меры к тому, чтобы избежать выполнения распоряжения, либо выполнят некачественно, чтобы впредь подобного не предлагалось (преобладает мотивация о том, что руководство поменяется, а я «останусь» без защиты). 3 человека (4,8 %) указали, что потребуют письменного

подтверждения, либо поставят в известность структуры внутренней безопасности или вышестоящее руководство (мотивация – приоритет закона).

При этом, на вопрос о том, какой будет реакция на аналогичное распоряжение, данное в публичной обстановке, в том числе, в присутствии нескольких сослуживцев, ответы были следующими. 44 человека (69,8 %) указали на безусловный или близкий к безусловному приоритет распоряжения. 12 человек (19 %) указали на возможный приоритет распоряжения и зависимость выбора в пользу распоряжения от ряда сопутствующих факторов. 5 человек (8 %) указали, что откажутся или постараются избежать выполнения распоряжения; 2 человека (3,2 %) указали, что постараются получить дополнительное, в том числе, письменное подтверждение, либо поставят в известность структуры внутренней безопасности или вышестоящее руководство.

Показателен пример с оставлением в опасности ребенка при задержании муниципального депутата И. Азара (Yurist, 2019; V Moskve trebuyut, 2019). Перед оставлением его ребенка в возрасте 1 год 8 месяцев в связи с задержанием одного в квартире, полицейский связался с руководством, охарактеризовал фактические обстоятельства задержания, в частности, то, что ребенка придется оставить одного в квартире, и получил распоряжение на задержание. Задержанного увели, а ребенка в нарушение статьи 125 УК РФ оставили в квартире (Ganapol'skij, 2019). То обстоятельство, что один из задерживавших связался с руководством по телефону, указывает на осознание им нарушения уголовного законодательства фактом оставления ребенка одного в квартире. Однако, получив явно противоречащее закону распоряжение руководства, полицейский отдал приоритет незаконному распоряжению.

Как показывают результаты охарактеризованных выше пилотажных опросов, можно сделать предварительное предположение о том, что очевидное большинство (по нашим опросам – более 80 %) сотрудников полиции допускают возможность нарушения закона во исполнение явно противоречащего закону распоряжения руководства, при этом многие из них (почти 40 %) безусловно готовы исполнить распоряжение руководства, противоречащее любому положению закона.

С.Б. Поляков указывает, что «... действия сотрудника полиции ... по принципу "служу закону, а не начальнику" чреваты для него неприятностями ввиду больших возможностей у начальника "припомнить" непослушание». Подобное положение вещей, по мнению данного автора, является проявлением реального принципа «Служи начальнику, а не закону (приоритет лояльности над законностью)», характеризующего фактическую сторону государственной службы. Особо неблагоприятная роль здесь, по разделяемому нами мнению С.Б. Полякова, принадлежит судебной практике, которая принимая в большинстве случаев сторону руководства, применяющего к сотруднику дисциплинарные взыскания вплоть до увольнения «в отместку» за невыполнение незаконных распоряжений, «... изменяет ряд соотношений ценностей и фактически устанавливает такие, которые прямо в судебных актах не называются, но очевидны для адресатов права ...» (Polyakov, 2018: 23).

Тем самым принцип приоритета лояльности над законностью, обеспечивается таким специальным неформальным правилом государственной службы как обязанность сотрудника «... принимать произвол начальника ...» (Polyakov, 2018: 24), то есть выполнять все приказы и распоряжения руководителя, в том числе и противоречащие закону. Данный принцип, используя приведенную выше терминологию, можно охарактеризовать как отражающее субординационные отношения в полиции положение: «*Лояльность к руководству имеет приоритет над законностью деятельности*».

Здесь кардинально корректируются как содержание принципа законности в целом, так и смысл целого ряда законоположений. К числу последних в «ФЗ о полиции», в частности, относятся текст подпункта 3 пункта 1 статьи 27, согласно которому сотрудник полиции, обязан «... выполнять приказы и распоряжения руководителей (начальников), ... не противоречащие федеральному закону»; п. 2 ст. 30, в соответствии с которым «при получении приказа или распоряжения, явно противоречащих закону, сотрудник полиции обязан руководствоваться законом», некоторые другие.

Отдельного внимания требует то обстоятельство, что, как было указано выше, очевидное большинство сотрудников полиции, как минимум, не исключают возможности исполнения явно противоречащего закону распоряжения руководства. Следовательно,

исключающих такую возможность меньшинство. На вопрос о личном отношении к категории коллег, исключая как возможность исполнения явно незаконных распоряжений руководства, так и незаконность собственных действий, 44 из 63 опрошенных сотрудников полиции (69,8 %) указали на отрицательное или «скорее отрицательное» к ним отношение, 4 человека (6,3 %) – на нейтрально-безразличное, а 13 человек (20,6 %) – на положительное.

При этом 39 сотрудников (61,9 %) высказались в пользу целесообразности увольнения из полиции коллег, полностью исключая незаконность в деятельности полиции. В качестве причин целесообразности увольнения названы неспособность к работе в полиции, карьерная бесперспективность, непонимание реальных задач полиции в обществе, негативное отношение к коллегам со стороны коллектива, правовой инфантилизм, ненадежность, опасность вынесения ими «сора из избы». В частности, 8 офицеров в звании капитана и майора (другим сотрудникам этот вопрос не задавался) указали, что карьерный потолок большинства «законолюбивых» полицейских, как правило, ограничен должностями, соответствующими званиям майора или, в исключительных случаях, подполковника, да и то, в каком-нибудь из непрофильных подразделений, например, в инспекторской или кадровой группах. Данное обстоятельство, помимо всего прочего, позволяет предположить, что абсолютно «законолюбивых» руководителей в полиции быть не может.

Тем самым, очевидно, что правоположение о приоритете лояльности к руководству над законностью достаточно основательно укоренено в полиции. Санкции за его нарушение разнообразны. Так, специфическими постоянно действующими санкциями являются замедленный карьерный рост, а также бремя претерпевания угрозы увольнения, обусловленной типичным желанием большинства коллег, а, нередко, и руководства «при удобном случае» избавиться от нарушителей. В связи с этим, внутриведомственное субординационное правоположение о приоритете «лояльности над законностью» ставит сотрудников, нацеленных на реализацию в деятельности полиции принципа законности, в дискриминационное служебное положение и объективно способствует их «вытеснению» их полиции.

Второе актуальное правоположение касается функциональности полиции – субъективной готовности полицейских и способности полиции в целом осуществлять деятельность «в точном соответствии с законом».

В излагаемом контексте интересна следующая информация. Из обнародованных прокуратурой России данных следует, что в 2017 году примерно на 750 тысяч сотрудников внутренних дел приходилось около 3,5 тыс. зарегистрированных преступлений. То есть, по официальным данным, уровень преступности в данном ведомстве примерно в два раза ниже уровня преступности в целом по стране. Между тем, при оценке данного соотношения следует учитывать, что, уровень латентности преступлений, совершаемых сотрудниками МВД, включая полицию, намного выше уровня латентной преступности в целом, на что, в частности, указывают такие компетентные лица как депутат государственной думы А. Хинштейн, адвокаты В. Калинин и А. Ставицкая ([U pravoohranitelej, 2018](#)). Кроме того, нельзя не учитывать, что уровень зарегистрированной полицейской преступности существенно занижается и в связи с повсеместной практикой увольнений «задним числом» сотрудников, совершивших преступления ([Krasil'shchikov, 2017](#)).

О том, что преступления, совершаемые полицейскими в связи со служебной деятельностью, мягко говоря, не являются редкостью, также свидетельствует и официальный ресурс, созданный на базе Российской газеты ([Prestupleniya pravoohranitelej, 2019](#)). По мнению же бывшего сотрудника МВД из Петербурга, «возникает ощущение, что силовые структуры сегодня представляют из себя своеобразные преступные сообщества, наряду с традиционной преступностью. Отличие лишь в том, что оружие они имеют на законных основаниях и насилие осуществляют тоже якобы законно» ([Policejskaya prestupnost'](#)). Данное положение вещей подтверждается и другими подобными материалами.

Обобщая приведенную информацию о преступных свойствах «полицейской среды», можно, по нашему мнению, выдвинуть целый ряд предположений, требующих отдельной проверки. Одним из них, в частности, является тезис о том, что уровень преступности,

образуемой служебными преступлениями сотрудников полиции, по меньшей мере, не ниже, а, возможно, и выше уровня преступности в целом по стране.

На заданный нами в ходе проведенного исследования сотрудникам полиции вопрос о том, допускают ли они фактически или гипотетически нарушения закона в собственной служебной деятельности, 54 человека из 63 опрошенных (85,7 %) указали, что допускают. На вопрос о том, имели ли в служебной деятельности опрошиваемого сотрудника или в связи с ней действия, за которые он мог бы быть привлечен к уголовной ответственности, 20 человек (31,7 %) ответили утвердительно или скорее утвердительно, 31 человек (49,3 %) затруднились ответить, сославшись на неполные знания уголовного законодательства, 12 человек (19 %) ответили отрицательно. При этом, 49 сотрудников полиции (77,8 %) определенно указали, что среди их сослуживцев есть лица, фактически совершившие в ходе служебной деятельности или в связи с ней деяния с признаками преступлений, но продолжающие после совершения таких деяний работать в полиции. На негативное отношение к своим коллегам, в служебных действиях которых имеются признаки преступлений, указали 14 человек (22,2 %). Еще 11 человек (17,5 %) указали на негативное отношение лишь к тем из таких сослуживцев, которые в ходе служебной деятельности совершили деяния с признаками отдельных видов тяжких и особо тяжких преступлений. Остальные 38 сотрудников (60,3 %) отрицательного отношения к коллегам, в служебных действиях которых имеются признаки преступлений, не выказали. И, наконец, при ответе на вопрос о том, кто из персонажей прав в известном «кейсе с кошельком», Жеглов или Шарапов, Шарапова выбрали 6 человек (9,5 %).

Таким образом, более 85 % допускают нарушения закона в ходе служебной деятельности. При этом, более трех четвертей указали на наличие среди их «действующих» коллег лиц, совершавших в ходе служебной деятельности или в связи с ней деяния с признаками преступлений, и лишь чуть более пятой части полицейских выразили безусловно негативное отношение к подобным лицам. Исходя из сказанного и особо подчеркивая нерепрезентативность опроса, как и его пилотажный характер, а также условную достоверность результатов, в научно-гипотетическом плане можно говорить о высоком уровне субъективной допустимости сотрудниками полиции нарушений закона в целом в собственной служебной деятельности; терпимости большинства полицейских к своим коллегам, допускавшим в своей служебной деятельности или в связи с ней совершение деяний с признаками преступлений, а также о наличии в полиции значительного числа лиц, совершавших подобные деяния.

Гипотетическое обоснование детерминации сложившегося положения вещей проведем на примере правового сегмента, в основу которого полагается совокупность фактов одного из «обиходных» в деятельности полиции нарушений уголовного законодательства – фальсификации доказательств.

По нашему мнению, допустимость фальсификаций и их распространенность в деятельности полиции прямо детерминированы позицией судов. Показательным, хоть напрямую и не относящимся к полиции, является приведенный и «позитивно» прокомментированный в научной литературе известный пример с прекращением Верховным судом РФ уголовного дела «... в отношении следователя, который сам изготовил протокол допроса потерпевшей, основываясь на обстоятельствах, изложенных в ее объяснении. Суд разъяснил, "...что фальсификация доказательств не оказала влияния на разрешение дела по существу" ...» (Beketov, Borkov, 2017: 34-35).

По нашему мнению, если от связанного с фальсификацией «частного» сегмента абстрагироваться и перейти к «общему» кругу правонарушений полицейских, то очевидно, что в данном случае Верховный суд адресует правохранителям некий «индульгенционный» сигнал, суть которого может быть изложена примерно следующим образом: *«Если разумное и уместное нарушение сотрудником уголовного законодательства направлено на достижение функциональной цели и, при этом, не влияет на результаты разрешения материально-правовой ситуации по существу, то такое нарушение не является противозаконным»*. При этом применительно к разным группам материально-правовых ситуаций допустимые пределы «разумности», очевидно, различаются. Кроме того, сама собой подразумевается допустимость нарушений «в служебных целях» законов иной отраслевой принадлежности. Учитывая, что сотрудникам полиции необходимо достигать

показателей деятельности, возможна, на наш взгляд, постановка вопроса и о том, что в ряде случаев нарушение закона в служебных целях является обязанностью полицейского, например, при получении указания от руководителя.

Также на примере фальсификаций следует дать характеристику и такому квазинаучному, на наш взгляд, феномену как оправдание полицейских нарушений учеными с высоким научным рейтингом. Поскольку речь идет об обосновании нами лишь гипотезы, ограничимся анализом текста уже упомянутой работы. Так, касательно административных протоколов, незаконно составляемых «под копирку», авторами указывается: «... сотрудники полиции ... обстоятельства описывают ... так, как они не могли их воспринимать ... С нашей точки зрения, такие документы, ..., как правило, сами по себе не говорят о фальсификации доказательств по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 303 УК РФ)» (Beketov, Borkov, 2017: 33). Учитывая, что научно-юридический мир интеллектуально соприкасается с представителями судейского сообщества, подобные мнения оказывают влияние и на суды. Последние же, в свою очередь, множат эти мнения в судебных актах, являющихся прямым руководством к действию для полицейских.

Таким образом функциональное правоположение, которым руководствуется полиция, можно в «мягкой форме» сформулировать следующим образом: «в служебных целях разумное и уместное нарушение законов является допустимым». Данное положение очевидно, отменяет в картине мира большинства полицейских приоритетное значение первых пяти пунктов статьи 6 «ФЗ о полиции», а, следовательно, и всего принципа законности. Данные законоположения «ФЗ о полиции» в качестве регуляторов деятельности полиции приобретают в понимании ее сотрудников субсидиарный характер и действуют лишь постольку, поскольку конкретная юридическая ситуация не подлежит разрешению в соответствии с правоположениями.

Соответственно деятельность полиции фактически не осуществляется на основании принципа законности. Более того, она и не может осуществляться на базе данного принципа, поскольку для этого отсутствуют необходимые функциональные предпосылки.

Формальные атрибуты реализации принципа законности (оформление результатов служебной деятельности, отчетность и т.п.) образуют систему показателей, по которым, главным образом, оценивается функциональная успешность деятельности полиции. То есть, для полиции такие атрибуты имеют важнейшее значение. В силу этого для создания видимости достижения показателей в осуществлении законной служебной деятельности предпринимаются специальные усилия, чтобы внешне деятельность полиции выглядела законной. Тем самым, смысл, значение и содержание реализации в деятельности полиции принципа законности «... подменяются формальным воспроизведением процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией...» (Babincev, 2012). Приведенное выше обоснование бытия в полицейской среде двух правоположений, исключающих возможность осуществления полицией деятельности на основании принципа законности, во взаимосвязи с осуществлением специальных усилий по достижению показателей законности деятельности представляются достаточными для формулирования гипотезы о том, что реализация данного принципа в деятельности полиции носит имитационный характер, то есть, имеет лишь внешние (по форме) признаки сходства с законностью.

Гипотеза требует, на наш взгляд, полновесной научной верификации, в том числе, для решения вопросов о состоятельности самой гипотезы; целесообразности или нецелесообразности существования полицейского органа, действующего незаконно, ряда других сопутствующих вопросов. В частности, не может не возникнуть предположения и о том, что сама концепция закона «О полиции» в части включения в него принципа законности была методологически сомнительной с научной точки зрения, в частности, по той причине, что еще за несколько лет до принятия закона правовое пространство страны, очевидно, содержало предпосылки, исключавшие реализацию данного принципа применительно к деятельности полиции.

4. Результаты

Авторами предварительно обосновано наличие двух правоположений, описывающих реальную правовую ситуацию и исключающих возможность деятельности полиции

«в точном соответствии с законом». Субординационным для службы в полиции является правоположение: «Лояльность к руководству имеет приоритет над законностью деятельности». Функциональным для деятельности полиции является правоположение: «В служебных целях разумное и уместное нарушение законов является допустимым».

В связи с предварительным обоснованием применительно к бытию полиции двух названных законоположений, а также формальном соответствии деятельности полиции требованиям принципа законности, представляется обоснованной и гипотеза об имитационном характере реализации принципа законности в деятельности полиции.

5. Заключение

Полагаем, что сформулированная нами гипотеза требует полной научной верификации. Также полагаем, что полиция - как повседневный правоохранительный орган – должна действовать в точном соответствии с транспарентной и понятной обществу системой правил. В качестве системы правил официально заявлен закон. Между тем, не следует забывать, что оба выявленных в ходе нашего исследования правоположения, препятствующие реализации полицией принципа законности, основаны на противоречащих закону правоприменительных подходах судебных органов. Поэтому, по нашему мнению, менять ситуацию, если и следует, прежде всего, с изменения отношения к закону именно со стороны судебной власти, а, возможно, и с превращения судебной системы в судебную власть.

References

Avdeev, 2015 – *Avdeev D.A.* (2015). Forma pravleniya v Rossii (kratkij konstitucionnyj ocherk) [The form of government in Russia (a brief constitutional essay)]. Tyumen'. Tyumenskij gosudarstvennyj universitet. 244 p. [in Russian]

Babincev, 2012 – *Babincev V.P.* (2012). Imitacionnye praktiki v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii [Imitation practices in state and municipal management]. *Vlast'*. № 5. Pp. 124-129. [in Russian]

Beketov, Borkov, 2017 – *Beketov O.I., Borkov V.N.* (2017). Fal'sifikaciya dokazatel'stv po delu ob administrativnom pravonarushenii [Falsification of evidence in the case of an administrative offense]. *Ugolovnoe pravo*. № 5. Pp. 31-38. [in Russian]

Denisov, 2015 – *Denisov S.A.* (2015). Real'noe gosudarstvennoe pravo sovremennoj Rossii [Real state law of modern Russia]: V 3 t. Ekaterinburg. [in Russian]

Ganapol'skij, 2019 – *Ganapol'skij M.* (2019). V nechelovecheskoj, katastroficheski soshedshej s uma strane... Kusok efira [In an inhuman, catastrophically crazy country ... a piece of radio]. Ekho Moskvy. 09.09.2019. [Electronic resource]. URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2497957-echo/> (data obrashcheniya: 14.09.2019). [in Russian]

Gutov, 1998 – *Gutov E.V.* (1998). Pravovoj zakon [The legal law]. V. *Kemerov*. Filosofskaya enciklopediya. Panprint. [Electronic resource]. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-183-pravovoi-zakon.htm> (data obrashcheniya: 30.07.2019). [in Russian]

Hobbes, 1991 – *Hobbes T.* (1991). Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or matter, form and power of ecclesiastical state and civil state]. M. 731 p. [in Russian]

Kirillov, 2002 – *Kirillov D.A.* (2002). Obespechenie prikladnoj napravlenosti obrazovatel'nogo processa na dnevnoj forme obucheniya kak element sistemy podgotovki yuristov vysshej kvalifikacii [Ensuring the applied orientation of the educational process in on-campus education as an element of training highly qualified lawyers]. Kachestvo vysshego professional'nogo obrazovaniya v nachale XXI veka: materialy konferencii. Tyumen'. *TyumGU*. Pp. 164-169. [in Russian]

Kirillov, Sechenova, 2017 – *Kirillov D.A., Sechenova E.G.* (2017). Ob opyte i perspektivah prepodavaniya yuridicheskikh disciplin v kontekste pritvornosti nacional'nogo pravovogo prostranstva [On the experience and prospects of teaching legal disciplines in the feigned national legal space]. Sovershenstvovanie yuridicheskikh mekhanizmov zashchity prav i interesov sub"ektov. Tyumen': Vektor Buk. Vypusk 2. Pp. 29-40. [in Russian]

Krasil'shchikov, 2017 – Krasil'shchikov A. (2017). Prestupnost' v policii [Crime in the police]. Arkadij Krasil'cikov. 23.01.2017. [Electronic resource]. URL: http://a.kras.cc/2017/01/blog-post_842.html (data obrashcheniya: 14.09.2019). [in Russian]

Kuznecova, 2005 – Kuznecova O.A. (2005). Poroki pravovoj normy: "diagnostika" i predupre-zhdenie [Vices of the legal norm: "diagnosis" and prevention]. *Zhurnal rossijskogo prava*. № 3. Pp. 127-133. [in Russian]

Lazarev, 1976 – Lazarev V.V. (1976). Pravopolozheniye: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme yuridicheskogo vozdejstviya [Legal positions: concept, origin and role in the mechanism of legal impact]. *Pravovedeniye*. N 6. Pp. 3-15. [in Russian]

Polyakov, 2018 – Polyakov S.B. (2018). Legal'nye i real'nye principy prava [Legal and real principles of law]. *Zhurnal rossijskogo prava*. № 9. Pp. 17-28. [in Russian]

Policejskaya prestupnost' – Policejskaya prestupnost' [Police crime]. (2019). Soobshchestva. [Electronic resource]. URL: <https://alles.d3.ru/politseiskaia-prestupnost-1816982/?sorting=rating> (data obrashcheniya: 14.09.2019). [in Russian]

Prestupleniya pravooхранителей, 2019 – Prestupleniya pravooхранителей (2019). *Rossiyskaya gazeta* [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/sujet/3818/> (data obrashcheniya 14.09.2019). [in Russian]

U pravooхранителей, 2018 – U pravooхранителей stabil'naya prestupnost' [Law enforcement officers have a stable crime]. (2018). Kommersant. 31.10.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3786325> (data obrashcheniya: 14.09.2019). [in Russian]

V Moskve trebuyut, 2019 – V Moskve trebuyut nakazat' policejskih, ostavivshih maloletnego rebenka Il'i Azara odnogo v kvartire [In Moscow, demand to punish the police who left a young child Ilya Azar alone in the apartment]. (2019). Pravmir. 03.09.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.pravmir.ru/v-moskve-zaderzhali-zhurnalista-ilyu-azara-ego-maloletnij-rebenok-ostalsya-odin-v-kvartire/> (data obrashcheniya 14.09.2019). [in Russian]

Yurist, 2019 – Yurist – o prestupnyh dejstviyah policejskih, zaderzhavshih Il'yu Azara [Lawyer – about the criminal actions of the police who detained Ilya Azar]. (2019). The village. 03.09.2019. [Electronic resource]. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/361105-prestuplenie-protiv-azara> (data obrashcheniya: 14.09.2019). [in Russian]

Обоснование гипотезы об имитационном характере реализации принципа законности в деятельности российской полиции

Дмитрий Александрович Кириллов ^{a,*}, Екатерина Григорьевна Сеченова ^a, Анна Анатольевна Шарапова ^b

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

^b Администрация Тюменской области, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обоснованию научной гипотезы об имитационном характере реализации принципа законности в деятельности российской полиции. Для этой цели анализируется соотношение принципа законности и реальных правил, касающихся прохождения службы в полиции, а также служебной деятельности полицейских. По результатам исследования авторы установили, что есть два неформальных правила, которые препятствуют реализации принципа законности в деятельности полиции. Первое такое правило касается прохождения службы в полиции и может быть сформулировано следующим образом: «*Лояльность к руководству имеет приоритет над законностью деятельности*». Второе правило касается служебной деятельности полицейских и может быть сформулировано следующим образом: «*В служебных целях разумное и уместное нарушение законов является допустимым*». Оба правила фактически подкреплены противоречащими закону судебными решениями по конкретным делам. К нарушителям

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kdakda@yandex.ru (Д.А. Кириллов), e.g.sechenova@utmn.ru (Е.Г. Сеченова), shara-anna@mail.ru (А.А. Шарапова)

этих правил применяются неформальные санкции. Так, сотрудники полиции, которые исключают в своей деятельности возможность нарушений закона, находятся в дискриминационном служебном положении. При этом, в полиции предпринимаются специальные усилия, чтобы формальные показатели ее деятельности соответствовали показателям соблюдения принципа законности. На основании этого авторы формулируют гипотезу о том, что реализация принципа законности в деятельности полиции носит имитационный характер и считают необходимым ее научную верификацию.

Ключевые слова: полиция; принцип; законность деятельности полиции; реализация принципа законности; имитационный характер; опрос полицейских; лояльность к руководству; допустимость нарушения закона.